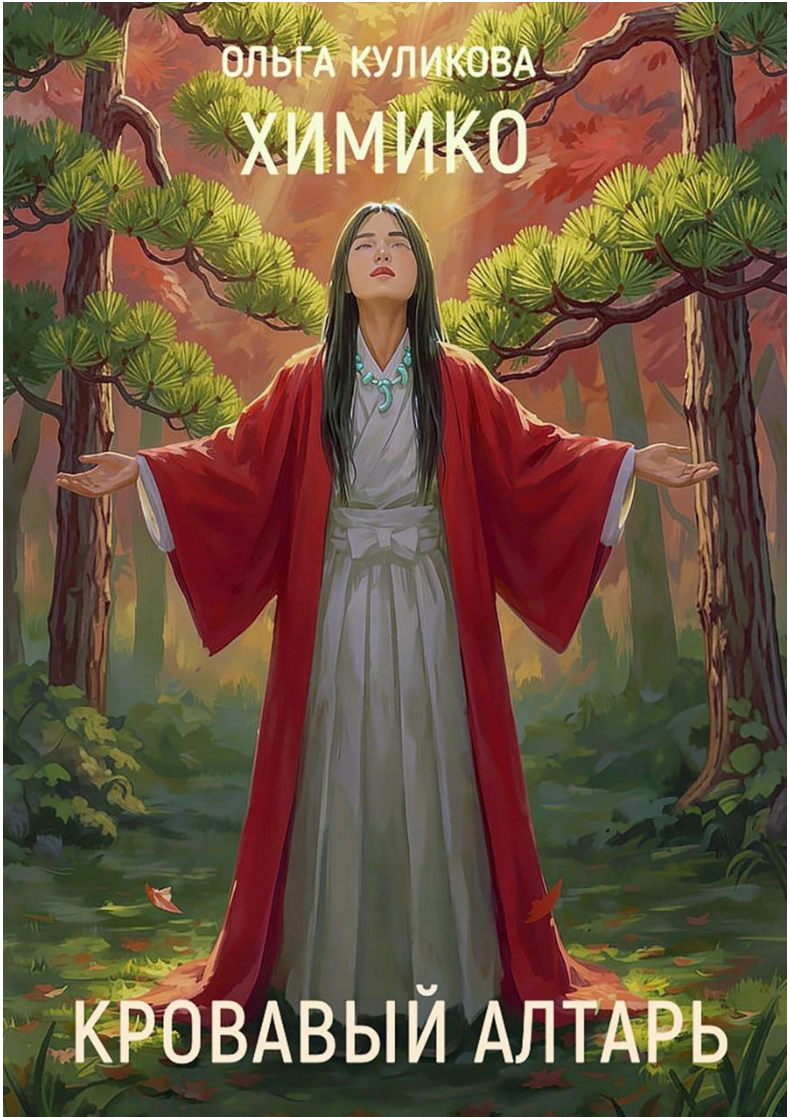

ОЛЬГА КУЛИКОВА
ХИМИКО
КРОВАВЫЙ АЛТАРЬ

Ольга Куликова

Химико. Кровавый алтарь

https://litres.ru/74693503
SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга из цикла "Химико"

Власть в Оэ захвачена безжалостным владыкой Куном, объявившим себя сыном бога войны. Шаманка Мизуки потеряла свой дар, и теперь лишь юная Химико в силах защитить жителей.

Жажда власти владыки неуемна. Но все ли покорятся ему? Или найдутся храбрецы, готовые встретить завоевателя с оружием в руках?

Вздыхает хитроумный Вэй, вспоминая прекрасную Акеми. Сердце Хиро отдано юной шаманке. Расцветет ли любовь среди битв и запретов прекрасным цветком или будет возложена на кровавый алтарь и принесена в жертву?

Содержание

ЧАСТЬ I 5
ПРОЛОГ 6
ГЛАВА I 8
ГЛАВА II 27
ГЛАВА III 51
ГЛАВА IV 67
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Ольга Куликова
Химико. Кровавый алтарь

ЧАСТЬ I

ПРОЛОГ

– Боги бывают порой капризнее красавицы – сегодня милость, завтра недовольство. Отчего? Нет для этого причины, кроме того, что они – *ками*, а мы – смертные. А значит, удел наш – исполнять волю божеств, не задаваясь вопросами.

– Ну как же так, дедушка? Как же – не спрашивать?

– Вот всегда ты так, мальчик! А потому частенько получаешь от отца ивовой веткой по тому месту, что зимой любишь держать поближе к очагу! Мы – дети богов. И твой досточтимый предок Моринокума теперь тоже *ками*, и своим непослушанием ты расстраиваешь его. Нехорошо! Младшим пристало чтить и слушаться старших. Выполнять их волю без этих «почему»!

– И всё же, дедушка: боги могут перестать любить нас, даже если мы выполняем их волю?

– Могут, – кивнул старик в ответ.

– Почему? Отец любит меня, даже если я озорничаю и ему приходится браться за ивовую ветвь. И мама любит. А боги, значит, нет?

Старик усмехнулся, ощерив в улыбке наполовину щербатый рот.

– Неразумное дитя! Ох, чую, наплачется мать из-за вечных «почему»! Ты слишком любопытен. Хочешь, расскажу тебе сказку?

– Очень хочу! Про богов?

– Про богов, – кивнул старик.

Мальчик очень любил его слушать. Сидя на тощих коленях деда, завернувшись в теплую шкуру, глядя на пляшущие отблески огня и представляя, каково это – быть героем или божеством. Как почитаемый предок Моринокума.

Мальчика ждала долгая, полная захватывающих дух и страшных событий жизнь. Но он пока об этом совсем ничего не знал.

ГЛАВА I

1

Мизуки почувствовала на своем лбу прикосновение холодной руки. Шершавая кожа легко коснулась ее покрытого испариной лица и быстро отпрянула, а мгновение спустя над ее ухом раздался чуть надломленный голос:

– Тебе повезло, что я успела вовремя! Еще немного – и было бы слишком поздно.

Губ Мизуки коснулось горлышко выдолбленной из тыквы фляги, и она жадно припала к нему, с наслаждением делая несколько больших глотков.

– Ну-ну! – предостерегающе проскрипело над ее лицом. – Не выпивай все сразу – потом захочешь еще.

Мизуки вслушивалась в голос, но никак не могла заставить себя разлепить веки. Ее трясло от холода, и одновременно с этим тело покрывал липкий пот. Пахла она, должно быть, отвратительно, однако совсем не было сил беспокоиться из-за подобных мелочей.

– Бедняжка! – сочувственно произнес голос, и по шарканью ног Мизуки поняла, что его обладательница суетится рядом. – Очаг тлеет, почти погас. Как ты вообще сумела его развести? Подожди немного – сейчас подброшу веток, и разгорится лучше прежнего!

Снова раздался шорох, и спустя некоторое время Мизу-

ки с удовольствием ощутила, как волны тепла доходят до ее тела. Постепенно согрелись ноги, потом тепло стало подниматься выше, и когда приятный жар, наконец, дошел до лица, Мизуки нашла в себе силы чуть приподняться на локтях и открыть глаза.

Пришелица была женщиной весьма почтенного возраста. Маленькая, очень худая, закутанная в ткань непонятного цвета с головы до ног. Мизуки, наблюдая за ней со своего отсыревшего ложа из веток, мха и травы, ощутила благодарность. Как она нашла ее здесь, среди гор? Зачем пришла? Что ей нужно? Женщина же, уловив движение, подняла лицо от очага, перед которым сидела, подложив ноги под себя, и выуживала худыми руками что-то из дорожной сумы.

– Лучше? – произнесла она, и Мизуки уловила в голосе улыбку, хотя лицо незнакомки скрывали волны наброшенной на голову ткани. – Я тебя вылечу, можешь верить! Мне известна природа твоей хвори.

С этими словами она тяжело поднялась, оставив суму на полу пещеры, а в руки взяв лишь небольшой мешочек. Приблизившись к Мизуки, опустилась рядом с ней и протянула, достав из мешка, несколько крупных зерен незнакомого злака. Та в замешательстве рассматривала лежащие на высохшей ладони зернышки, не решаясь протянуть к ним руку.

– Ну же! – поторопила ее пришелица. – Их нужно разжевать. Лучше бы истолочь в пыль, но, сама понимаешь, ни ступки, ни пестика не найти. Положи их в рот и медленно,

тщательно пережевывай. Потом можешь проглотить.

– Что это? – слабым голосом произнесла Мизуки.

– Твое лекарство, сестра.

С этими словами женщина откинула ткань с головы и внимательно посмотрела на лежащую шаманку.

Кожа старухи была такой тонкой, что под глазами и кое-где на лбу проглядывали синие ниточки сосудов. Лоб покрывали морщины и пигментные пятна. Дряблая шея казалась насколько тонкой, что любой задался бы вопросом – как она все еще поддерживает голову? Белые волосы, растеряв красоту и блеск, спадали на плечи и спину, словно гигантская паутина. Одно лишь оставалось молодым на этом лице – глаза. И увидев их, Мизуки не смогла сдержать крика.

– Ты! – воскликнула она, и ее голос, вырвавшись из пещеры, эхом пронесся по окрестным горам. – Это ты!

– Вижу, узнала? – улыбнулась женщина.

– Ты… – шепотом повторила пораженная Мизуки.

Она села на ложе, не отрывая взгляда от странного лица, и горячо продолжила:

– Я видела тебя во сне каждую ночь! Несколько долгих месяцев. Твои глаза преследовали и пугали меня!

Женщина покачала головой.

– Я никогда не стремилась причинить тебе зла. Как видишь – даже явилась спасать. И признай, что без этого ты не протянула бы долго. Жуй зерна! – строго добавила она. – Силы тебе еще понадобятся.

Мизуки молча взяла из ее ладони зернышки и, положив в рот, так же молча принялась разжевывать их. Старуха сидела рядом. Она казалась усталой, что было немудрено – рыскать в горах в поисках пещеры, где шаманка Оэ без сил ожидает свой конец… Такое и в молодые годы покажется испытанием. Женщина задумчиво глядела на каменную стену, но взгляд ее словно бы проникал сквозь нее – похоже, она пребывала глубоко в собственных мыслях. После того, как Мизуки тщательно разжевала зерна, женщина дала ей воды и, погладив по голове, будто та была ребенком, тихо произнесла.

– А теперь спи. Крепко, и без сновидений.

«Кому-то я уже говорила эти слова…» – успела подумать Мизуки, прежде чем провалиться в глубокий сон.

2

Когда она вновь открыла глаза, то с удовлетворением отметила, что не чувствует холода. В пещере было тепло. Костер весело пылал, отбрасывая отблески на каменные стены. Женщина сидела рядом с ним и, протянув руки к пламени, грела ладони. Снаружи было темно.

– Долго я спала? – все еще слабым голосом произнесла шаманка.

Она отметила, что ломота в теле сменилась ощущением усталости – пусть сильным, но естественным. Лоб больше не горел в лихорадке, и в общем Мизуки чувствовала се-

бя лучше. Неужели дело в небольшой горстке зерен? А может, ее спасительница поила Мизуки вовсе не водой, а чем-то иным?

Лицо женщины больше не было спрятано под слоями ткани, но она продолжала кутаться в нее, словно в поисках дополнительного тепла. Услышав вопрос, она будто вернулась из своих мыслей и медленно произнесла:

– Почти сутки.

– Благодарю тебя, сестра, – почтительно прошептала Мизуки.

– Рано еще, – усмехнулась женщина. – Сегодня и завтра тебе нельзя есть ничего, кроме зерен, что я дала тебе. Хорошо, что у меня с собой есть еще немного. Когда хворь оставит тебя окончательно, можешь понемногу возвращаться к обычной пище.

– Что это за зерна?

– Они не растут в наших краях, – с сожалением произнесла женщина. – Ты съешь весь мой запас. Но это не беда – больше они мне не понадобятся. Этот злак выращивают при дворе императора Поднебесной. Тамошние мудрецы с его помощью выгоняют вселившихся в человека духов. Но в тебе духов нет, твоя беда в другом. Ты ведь и сама это знаешь.

Старуха пристально посмотрела на шаманку.

– Кто ты? – изумленно произнесла Мизуки. – Почему пришла сюда, а главное – с какой целью спасла?

Женщина немного помолчала, как будто вслушиваясь в потрескивание веток в костре, а потом медленно, очень тихо, как будто слова давались ей с трудом, ответила:

– Мое имя Ама. Ты, должно быть, подумала, что я мико[1], но это не совсем так. Я – *мигокоро*.

И, не давая Мизуки опомниться, продолжила:

– А еще я та, кто дала жизнь Химико.

Мизуки в изумлении воскликнула, не веря своим ушам:

– Ты – мать Химико?

– Да, – чинно ответила женщина. – Ты, наверное, думаешь, как может такая старуха как я быть матерью этой девочки? – она печально усмехнулась. – Позволь мне рассказать тебе одну историю, сестра.

И снова, как будто нырнув в невидимые картины у себя перед глазами, она негромко продолжила:

– Тебе известно, кто такие *мигокоро*?

– Ведающие обо всем девы, – с благоговением прошептала Мизуки. – Но я впервые вижу *мигокоро* прямо перед собой!

– Быть всеведущей – трудный жребий, – печально улыбнулась старуха. Но ты, как и я, знаешь, что мы не выбираем – в наших силах лишь принять свой путь и с достоинством идти по нему.

– Это так, – согласила шаманка. – Скажи мне, старшая сестра, когда ты поняла, что всеведуща?

---

[1] Мико – шаманка. В современной Японии – служительница в синтоистском храме.

– В тот момент, когда впервые открыла глаза! – Смех старухи был похож на карканье старой вороны. – Это мучило меня с самых ранних пор, хоть тогда я не могла еще осознать, в чем значение моего дара!

Она снова замолчала, и Мизуки не смела прервать ее. О девах *мигокоро* – тех, что видят сердцем – было известно немного. Из уст в уста передавали предания о девах, которые, лишь взглянув на человека, видят его прошлое и будущее. Могут назвать день, когда дыхание его оборвется. Знают, будет ли это спокойная смерть на руках детей, или же погибель в схватке с врагом. Или, может, болезни суждено оборвать нить человеческой жизни. Всеведущим девам было открыто наперед, в какой год будет засуха, когда ждать холодов, и какой урожай принесет земля в этом году. Время для них – река, которая по одному лишь желанию течет вспять, замерзает, покрываясь льдом, или ускоряет свое течение. Но обладая этим бесценным даром, всеведущие девы не имели права использовать его на благо или во вред кому-либо. Уделом их было знание, и не больше.

Мизуки теперь с новым интересом рассматривала свою собеседницу. Ама и правда будто сгибалась под тяжестью знания на своих плечах. Делало ли облик ее печальным именно это, или причина была в чем-то другом?

– Я вижу скорбь в твоих глазах, – тихо произнесла шаманка.

Ама кивнула.

– В них достаточно скорби, но есть и надежда. Всмотрись внимательнее, сестра!

И, помолчав, добавила:

– Я знала, что потеряю свою дочь еще до того, как зачала ее.

– Как такое возможно?

– Впервые посмотрев в глаза мужчине, которому суждено было стать ее отцом, я уже пережила все мгновенья счастья и всю боль, что нас ждала. Я уже помнила, как он любил меня – все его поцелуи и ласки. А также и то, как тело его, израненное, лежало, проткнутое десятком длинных стрел.

Глаза Амы заблестели, и она добавила сухо:

– Знать все – очень больно, сестра.

– Так значит, тот ребенок, что являлся ко мне во снах?.. – Мизуки, пораженная догадкой, не сводила глаз с лица старухи.

– Моя дочь, – печально прошептала та. – Я знала, что должна отдать ее, как знала и то, что должна родить и должна зачать.

– Боги сказали это тебе?

Ама усмехнулась.

– Боги говорят с мико. А мы, *мигокоро*, просто знаем.

Мизуки не смогла остановить порыв и, с нежностью взяв в ладони морщинистую руку женщины, начала гладить ее, будто пытаясь приободрить.

– Не стоит! – снова усмехнулась та. – Я приняла свой жре-

бий давным-давно.

– Сколько же сил нужно, чтобы знать и бездействовать! – поразилась шаманка.

– Вот потому, – грустно произнесла Ама, – мы, всеведущие девы, живем одни, вдали от людей. Любовь и привязанности ослабляют духовную силу и искушают нас. Так сложно удержаться и не попытаться спасти того, кого любишь!..

В пещере повисла тяжелая тишина. Каждая из женщин думала в этот момент о своем. В костер пора было подкинуть сухих ветвей, но ни Ама, ни Мизуки не стали этого делать. Наконец, старуха продолжила:

– За всю жизнь лишь дважды я не удержалась и попробовала изменить то, что мне было открыто. Первый раз случился много лет назад. Тогда в мою пещеру пришел молодой воин с младенцем на руках. Ему пришлось очень постараться, чтобы отыскать мое жилище! Одежда его была изодрана о камни, лицо оцарапано, но младенец, спящий на руках, был в тепле и безопасности. Он спал, не ведая, что, не прожив и нескольких дней, ему суждено умереть мучительно и страшно – смертью, которая постигала всех детей воина. Я смотрела на него с жалостью и состраданием: вид неповинного ни в чем существа, которому предстояло расплатиться за грехи отца, будил во мне печаль. В тот момент я очень остро ощутила, что мир вокруг несправедлив и жесток.

– И что же хотел этот воин?

– Он просил меня сохранить жизнь младенцу, – покачала

Ама седой головой. – Говорил, что похоронил уже десятерых сыновей, и сердце его больше не вынесет страшной утраты. Обещал все сокровища мира, если я помогу ему… Как будто для меня это имело значение!

– И что же ты ответила на его просьбу?

– Я согласилась.

– Но сестра, отчего сердце, привыкшее видеть людские несчастья, дрогнуло в тот раз?

Сухие губы старухи тронула улыбка.

– Ты до сих пор не поняла, верно? Тот человек говорил о боли, что так терзала его – боли от потери ребенка. В то время я еще не стала матерью, но сердце мое уже бессчетные разы сжималось в муке, когда перед глазами возникала ночь, в которую я увижу дочь в последний раз. Тебе не понять этой боли, ведь у тебя нет детей!

– Ты права, – согласилась шаманка.

– Тот человек был правителем Куном, – опустила старуха глаза в пол.

Мизуки в изумлении прикрыла руками рот и широко раскрыла красивые глаза.

– Значит, ребенок…

– Да, – закончила Ама за нее. – Его единственный сын Кацуо, жизнь которому сохранила я.

По дряблым старушечьим щекам заструились слезы. Она прижала худые руки ко впалой груди и продолжила со страстью:

– Если бы я могла предвидеть, к чему приведет моя слабость!

– Но Ама, ты же всеведущая дева! Я не понимаю!

– В то мгновенье, когда дыхание ребенка не оборвалось, будущее изменилось, – сокрушенно покачала головой женщина. – Я знала, что не имею на это права, и все же помешала случиться тому, что уготовили боги. *Ками* наказали меня – с того дня будущее Кацуо было покрыто для меня пеленой. А вместе с ним, и будущее его отца. Я понимала, что мой неразумный поступок, мимолетная слабость повлечет за собой темные последствия, но – увы! – даже не предполагала, какие именно.

– И это еще не все! – покачала головой старуха и, не отдавая себе отчет, взяла в ладони теплую руку Мизуки. – С того самого дня старость стала настигать меня быстрее, чем других женщин. Да, лицо мое испещрено морщинами, но на самом деле я не намного старше тебя, сестра! Мой вид – это наказание за то, что отступила от своего предназначения.

– Ну а второй раз? – почти прошептала Мизуки.

– Второй раз, – печально произнесла Ама, – случился совсем недавно. Я больше не могла видеть судьбу Кацуо, но всегда знала, что происходит с моей любимой дочерью. С Сацу, которая теперь звалась Химико. Несколько дней назад ее жизнь подверглась смертельной опасности и, не вмешайся я, могла бы прерваться навсегда. И я вновь не смогла остаться в стороне! Я слаба, сестра, но такой уж боги создали меня!

Я знала, что дочь умрет, и умрет по моей вине – ведь это я подарила жизнь ее убийце!

– Кацуо? – воскликнула Мизуки в ужасе. – Что произошло? Расскажи мне!

– Не пугайся, сестра, – слабо улыбнулась женщина. – Я отняла у сына правителя Куна то, что даровала шестнадцать лет назад. Химико спасена, а сын Куна мертв, как и должно было быть изначально.

Ама остановилась, как будто силы ее иссякли. Она сидела перед шаманкой – маленькая седая женщина, несущая непосильный груз на хрупких плечах. «Сколько же ей лет? – подумалось Мизуки, но вслух она не решилась высказать этот вопрос. – Неужели и мне предстоит встретить закат жизни так – бесцветным существом снаружи и вместилищем огромной боли внутри?». Ее собеседница продолжала молчать. Взгляд Амы затуманился, словно она снова ускользала в глубокие думы или видимые одной ей картины времени-реки. Мизуки протянула к ней руку и положила тонкую ладонь на плечо.

– Старшая сестра! Расскажи о том, что случилось дальше.

Женщина подняла на нее свои красивые, не тронутые старостью темные глаза и прошептала:

– Я не знаю.

– Не знаешь? – так же шепотом переспросила Мизуки. – Как это возможно?

– Я второй раз отступила от своего предназначения, – произнесла Ама, не глядя на нее. – Боги не прощают подобного.

Я не знаю, что произошло после того, как я спасла Химико жизнь. Я больше ничего не знаю. Боги отняли у меня дар *мигокоро*, и теперь я обычная старуха, жить которой осталось всего-ничего!..

Не давая Мизуки вставить ни слова, она продолжила:

– После того, что случилось, старость с еще большей силой настигает меня. Я чувствую, что срок, отмеренный мне на земле Ва, словно песок через пальцы, утекает куда-то. Я умру совсем скоро. Но перед смертью у меня есть желание, и ты должна помочь мне его исполнить.

Старуха, наконец, подняла глаза от каменного пола пещеры и твердо продолжила:

– Перед смертью я хочу увидеть свою дочь. Я была лишена радости, которую дети приносят женщине. Не знаешь ее и ты, но тебе незнакомо и другое: ты не знаешь связи, что возникает между матерью и дитя, пока то находится в чреве. Не знаешь боли, когда чрево раскрывается, чтобы впустить новую жизнь в этот мир. Не знаешь, какого это – держать на руках жизнь, созданную тобой.

По впалым старушечьим щекам снова потекли слезы. Ама не смахивала их. Казалось, мир снаружи для нее был лишь блеклым отражением того, что происходило внутри. А бурю, творившуюся внутри этой женщины, Мизуки было страшно представить.

– Моя дочь – это лучшее, что боги подарили мне за всю жизнь, – произнесла старуха печально, но твердо. – И бо-

ги же отняли ее у меня, а теперь забрали и мой дар. Скоро жизнь моя тоже прервется, но перед тем, как это произойдет, я хочу прикоснуться к своей дочери, назвать ее по имени и посмотреть в глаза. Я хочу сказать ей, как любила все эти годы, и как нелегко мне было осознавать, что она живет, ничего обо мне не зная. Я имею на это право, Мизуки, и собираюсь этим правом воспользоваться.

Мизуки, пораженная, смотрела на женщину перед собой.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе в этом?

– Я требую этого, – ответила Ама твердо, глядя ей прямо в глаза. – В благодарность за то, что я спасла твою жизнь.

Мизуки молчала, не зная, что ответить.

– Старшая сестра, – произнесла она наконец. – Что случилось перед тем, как твой дар пропал? Тебе известны события, происходившие до того момента. Ответь мне – что произошло в Оэ?

Старуха рассмеялась хриплым, каркающим вороньим смехом.

– А ты сама не знаешь этого, сестра? Перестань притворяться – тебе прекрасно известно все и без меня!

– Это не так! – воскликнула Мизуки.

– Неужели? – усмехнулась Ама. – Тогда ответь мне, как ты думаешь – зачем тебя обманом заставили покинуть город? Зачем самые быстрые воины госпожи Мамори принесли тебя в горы и бросили здесь одну, чтобы ты, не зная пути назад, не смогла быстро вернуться в поселение?

Мизуки, словно громом пораженная, неподвижно сидела на ложе.

– Оэ пал! Ёсиро убит. Убиты и все его сыновья. Поселение захватил владыка Кун, пусть ему и пришлось заплатить за эту страшную цену.

Вой разнесся по пещере. Это завыла Мизуки, превратившись из женщины в смертельно раненного зверя.

– Нет! – воскликнула она, в отчаянии хватаясь за волосы на голове. – Нет, Ама! Этого не может быть!

– Это так, – Ама с состраданием посмотрела на нее.

Мизуки закрыла лицо руками и, не прекращая кричать, повалилась на ложе. Крики и рыдания сотрясали ее тело, и Ама молча и понимающе смотрела на нее какое-то время, а потом мягко произнесла:

– Как ты думаешь сестра, отчего я кормила тебя злаком, изгоняющим духов из тела человека?

Мизуки не ответила, продолжая биться в истерике.

– Эти зерна помогают твоему телу смириться с тем, что *ками* больше не говорят с тобой. Ты больше не мико, Мизуки. Отныне ты – обычная женщина. Твой город пал. Правитель, с которым ты была связана, убит. Убиты и его наследники. Твое предназначение исчезло, и твое тело страдает от этого.

Мизуки, словно не слыша ее, продолжала стонать, спрятав лицо.

– Этого не может быть… – слабо повторяла она без конца.

Тогда Ама, наклонившись к ней, прикоснулась руками к черным с проседью волосам и начала гладить их. Под этими движениями стоны Мизуки становились все более тихими и неразборчивыми, словно силы оставляли ее измученное тело. Когда она почти совсем затихла, Ама тихо произнесла:

– А теперь спи. Крепко, и без сновидений.

3

Когда глаза Мизуки открылись снова, она увидела, что Ама веткой разгребает угли в костре. Заметив, что Мизуки проснулась, старуха приблизилась к ней и твердо произнесла:

– Я уважаю твое горе, сестра, но у меня времени горевать нет. Сегодня мы должны отправиться в путь. Я чувствую, что моим ногам совсем немного осталось топтать землю, и хочу увидеть дочь до того, как отправлюсь в Тростниковую Равнину.

– Я еще слишком слаба, старшая сестра, – прошептала Мизуки.

– Это не так, – ответила Ама, своим тоном не оставляя места для возражений. – Ты можешь идти. В пути силы вернутся, и тебе еще придется поддерживать старую каргу, спускаясь по горным склонам! Вот, – она снова протянула Мизуки горсть зерен, – разжуй их хорошенько, запей водой, а затем мы уйдем отсюда.

– Но сестра! – воскликнула Мизуки, принимая зерна из

рук старухи. – Как мы найдем дорогу?

– Ты умная женщина, Мизуки, а говоришь так, словно родилась на свет не ранее, как прошлой весной! Неужели ты думаешь, что я, придя сюда, не знаю, куда нам следовать дальше? Да ты и без меня отыскала бы путь – воины Мамори, хоть и летели, словно ветер, но несли тебя не долее чем ночь и половину дня. Мы не можем быть далеко от поселения.

– Ты права, – согласилась женщина. – Но как же мне показаться в Оэ? Меня узнают. И если откроется, что *ками* больше не говорят со мной… страшно представить, что случится тогда!

– А что случится? – удивилась старуха. – Мир не рухнет. К тому же, много ли людей видели тебя без белил?

– Никто не видел, – усмехнулась Мизуки.

Ама протянула ей ткань, в которую куталась в день их первой встречи.

– Закроешь этим лицо. И еще, – она порылась в дорожной суме и вытащила оттуда коробочку круглой формы. – Толченые чернильные орехи, сестра. Зачернишь зубы, словно замужняя женщина. Этого будет более чем достаточно.

Видя, что Мизуки все еще не решается подняться с ложа, она строго прибавила:

– Если мы не успеем найти Химико до моей смерти, я буду вечно являться к тебе неупокоенным духом! Я не дам тебе жить спокойно, если не поможешь мне, так и знай. Ты слаба и потеряла многое, но поверь мне, Мизуки, у тебя еще есть

возможность найти радость в этой жизни. У тебя есть время. А у меня его почти не осталось!

– Ты права, старшая сестра, – решительно произнесла Мизуки. – Я сделаю все, что будет в моих силах, чтобы помочь тебе. Ты имеешь право увидеть дочь.

– Химико нуждается и в тебе! Она юна, неопытна. Ей нужны твои наставления и защита.

– Как я могу защитить ее теперь? – усмехнулась женщина.

– Ты можешь больше, чем думаешь, – ответила Ама. – Даже теперь, когда боги больше не говорят с тобой. Поднимайся, сестра. Нам пора.

Прошло совсем немного времени, и из пещеры, в которой Мизуки укрывалась последние несколько дней, вышли две женщины. Одна из них шла, с большим трудом переставляя одряхлевшие ноги. За те дни, что Ама провела в пещере, груз старости еще сильнее придавил ее плечи к земле. И тем не менее, у старой женщины была причина идти дальше, пусть и передвигаться она могла лишь опираясь на руку своей компаньонки. Они надеялись спуститься с гор до темноты – потому что кто знает, удастся ли двум слабым, безоружным женщинам противостоять зверью, что охотится в горах ночью?

Мизуки шла, стараясь спрятать от Амы свой страх. Ступать по земле, зная, что отныне нет вокруг тебя незримой защиты, ореола, наводящего трепет на окружающих, было пугающе и ново. Что она станет делать, если на них напа-

дут разбойники? Отныне она обычная женщина, и ценности в ней ровно на столько. Однако, будучи много лет могущественной шаманкой, Мизуки научила себя быть сильной. И сейчас, в темный час страха и отчаяния, эта сила, словно невидимый огонь, поддерживала ее. «Я не сдамся, – повторяла она про себя. – Этого не будет. Ёсиро мертв, Оэ завоеван, но нет на свете силы, что заставила бы меня остаться в стороне! Я не всеведущая дева, удел которой одно лишь знание. Мико – вестницы богов, передающие их волю; но я и не мико более, а значит – вольна поступать, как желаю сама! Сердце ведет меня. И я последую за этим зовом, какова бы ни была цена».

ГЛАВА II

1

Широкой поступью владыка Кун следовал к комнате, где сидела под надзором охраны юная шаманка. Ему стоило немалого труда держать под контролем чувства, обуревавшие его – злость, гнев и чудовищную боль от утраты единственного сына, которого правитель любил всем своим закаленным в боях сердцем. Слезы не к лицу вождю. Он не может, подобно слабой женщине, давать им волю там, где чей-то взгляд способен узреть его и запомнить, что однажды Кун был слаб. Впрочем, отныне он запретил называть себя Куном. Требовал обращаться к нему не иначе как окими – правитель, а имя забыть, чтобы мстительные *ками* больше не могли навредить ему. Однако, приказать забыть – легко, но сколько времени пройдет, прежде чем люди действительно привыкнут называть его так, а имя исчезнет с губ болтунов навсегда?

Кун знал, что ничего еще не окончено, и упади он сейчас – подняться вновь будет несравнимо сложнее, чем ныне проявить твердость. Поэтому он шел, широко размахивая руками, приказав лицу обратиться в деревянную маску и ничем не выдавать боли, что грызла его изнутри.

Охранник упал на колени и отполз, с почтением пропуская его внутрь небольшой комнаты, где содержали шаманку.

И вот он вошел и увидел ее – невысокую, хрупкую, с длинными волосами и набеленным лицом. Она сидела на коленях посредине комнаты, уставившись в пустоту, и никак не отреагировала на его приход. Обычная девочка, если не видеть страшного, пустого выражения лица, больше подходившего для изваяния, чем для живого человека. Владыка Кун подошел к ней. Он знал, что должен был сделать, и не собирался проявлять малодушие.

– Где Мизуки, девочка? – спросил он в который раз, и в который раз ответом ему было молчание.

Она отказывалась с ним разговаривать.

– Ёсиро и вся его семья убиты, – продолжил он, не сводя хищного взгляда с ее лица. – Правитель Оэ отныне – я. Ты понимаешь это? В моей власти судьбы всех, кто находится тут. Только мне решать, кому умирать, а кому сохранить жизни.

Молчание.

Она не могла не бояться. Сколько бы богов ни разговаривали с ней, она была лишь ребенком, оказавшимся среди врагов, без близких людей рядом! Кун знал, что она боялась. Но тем не менее, все так же отказывалась разговаривать с ним. Он решил испробовать другой способ.

– Если твоей наставницы нет, то шаманка Оэ – ты, девочка! Твой долг проводить в Тростниковую Равнину павших. Некому сделать это кроме тебя! И среди них, – Кун собрал всю волю, чтобы произнести следующее, – среди павших мой

сын, и я прошу тебя позаботиться о том, чтобы Кацуо нашел свой путь после смерти.

Молчание. Но, кажется, маска лица чуть оттаяла. Кун понял, что находится на верном пути.

– Ты – вестница богов, Химико. И не можешь отказываться от своих обязанностей.

Она наконец посмотрела на него. И заговорила глухо, словно голос ее доносился из мрачного скального грота.

– Кацуо будет последним, кого я провожу в Тростниковую Равнину. Перед этим туда отправится правитель Ёсиро и его семья, и ты не посмеешь перечить этому.

– Хорошо, – медленно кивнул владыка, не отводя от нее взгляда. – Хорошо. Правитель Ёсиро, его семья, а также все, кто пал в битве, включая моего сына, упокоятся с миром и найдут путь в Тростниковую Равнину. Ты сможешь пройти к их телам, чтобы провести обряд. Когда можно будет организовать погребение?

– Это мне не известно, – так же глухо произнесла Химико. – *Ками* откроют, когда время придет. А пока, окими, распорядись подготовить гробы и утварь в нужном количестве – негоже знатным людям уходить из этого мира в пустом кувшине, подобно крестьянам.

Кун снова кивнул. Подождал еще немного, но маленькая шаманка вновь превратилась в неживого истукана, и вскоре правителю стало ясно, что больше от нее он не дождется ни слова. Он поднялся с пола и, не говоря ничего, вышел вон.

Химико еще какое-то время сидела неподвижно. И только поняв, что правитель действительно ушел, позволила себе чуть расслабить плечи и изменить позу. Губы ее затряслись, словно предвещая подступающие рыдания, глаза опасно заблестели и несколько капель сорвались с длинных ресниц. Владыка был прав – ей было страшно. Но едва на щеках появились две ровные дорожки от скатившихся слез, Химико взяла себя в руки. Не хватало еще, чтобы белила размазались! Хороша будет шаманка, что плачет, как дитя! Нет, она не доставит врагам такого удовольствия.

«Жди, – сказала она себе. – Ты не одна. Богиня-покровительница не оставит тебя. Не оставят и друзья. Но пока ты должна быть отважной и стойкой. Жди и не смей плакать».

2

В другой части просторного дома, что еще недавно был жилищем правителя Ёсиро, ходил в задумчивости по комнате Вэй. Ханец тоже пытался унять эмоции. То, что произошло за последние несколько дней, вызывало в нем противоречивые чувства. Во-первых – как принять то, во что не веришь? Или – не верил до этого дня.

Жизнь Вэя всегда текла в рамках правил, знакомых ему с рождения. Не всегда ему нравились эти правила, и не всегда он оказывался победителем в игре, но он по крайней мере мог утешить себя тем, что таков мир, таковы законы, по которым этот мир живет. И вот теперь он озадаченно тер лоб,

пытаясь понять, что же он видел. Было ли увиденное явью, или его разум, потерявший спокойствие за последние дни, сыграл с ним злую шутку?

Перед глазами ханьца в который раз возникла картина: разгорающийся рассвет окрашивает небо оттенками алого и золотого. У дома правителя лежат люди – несшие дозор воины с пробитыми стрелами телами и рассеченными лицами. Внутри слышны крики, но все почти уже кончено – сегодня Кун будет праздновать победу. И тут среди этого пиршества смерти и хаоса появилась она. Вернее – они. Вэй мог бы поклясться чем угодно, что видел за спиной девочки женщину в развевающихся разноцветных одеждах. Грозную и прекрасную, с сияющим на челе солнцем. С копьем и зеркалом в белых руках. Она, будто само светило, поднималась все выше, посылая с небес на землю суровый взгляд из-под недовольно сдвинутых густых бровей. В разгорающемся свете женщина становилась все бледнее, пока через какое-то время не исчезла вовсе, как будто растворившись в золотых лучах. Вэй тряхнул головой в надежде изгнать из нее видение, и только тогда заметил, что рядом с шаманкой, чуть позади, стоял Хиро. Мальчишка! Что он вообще здесь делает? Почему не спит в доме? Хотя, признался себе Вэй, он всегда знал, что юнец шустер не по годам.

Лицо девочки, покрытое белилами, выражало суровую решимость. Во всем ее виде, в том, как ребенок стоял среди мертвых тел, было что-то настолько неестественное, что Вэй

поежился несмотря на то, что был разгорячен схваткой. Он смотрел на нее и не мог отвести взгляд, а она своим тоненьким детский голосом громко выкрикнула имя того, кто привел сюда этой ночью воинов:

– Кун! – позвала она громко, стоя посреди двора. – Кун!

Прошло немного времени и владыка показался. Он вышел из дома правителя – перемазанный его кровью, с горящими жестокими глазами – и увидев девочку, усмехнулся и произнес:

– Шаманка Оэ явилась защищать город?

Она продолжала сверкать взглядом, от которого наблюдавшему эту сцену Вэю подумалось: а так ли юно это создание, как кажется на первый взгляд?

Кун не спеша спустился к ней, подошел. Так же насмешливо окинул девочку взглядом, как будто спрашивая: какой вред ты способна причинить мне? А она, встречая его насмешку холодным безразличием, молвила:

– Твой сын и единственный наследник мертв.

Кун еще какое-то время продолжал насмешливо глядеть на нее, не понимая смысл сказанного. Через несколько мгновений лицо его разительно поменялось: бледность съела все краски с надменных черт, глаза в ужасе расширились, затрясся тонкий рот.

– Повтори! – прошептал он хрипло.

– Кацуо мертв, – все тем же ледяным голосом произнесла она. – Твой род прервется вместе с твоим дыханием,

тщеславный владыка. Нет более шанса для тебя продолжать жить через потомков!

Кун уставился на нее безумный взглядом. Облик его сделался еще страшнее, и он завопил, словно умирающий дикий зверь. Затем выхватил меч, висевший у пояса, и, замахнувшись, направил его на Химико. Но ранить ее не успел: навстречу мечу метнулся Хиро и, оттолкнув девочку, принял удар на себя. Кровь окрасила его рубаху багровым и юноша, не произнеся ни слова, рухнул на землю.

В тот момент с Вэя будто спало оцепенение. Как будто кто-то, невидимыми путами державший его тело, вдруг распустил веревки. Ханец сорвался с места и бросился вниз. Он успел вовремя. Как раз, чтобы остановить руку, занесенную для второго удара. Кун мало что понимал. Казалось, безумие захлестнуло его. Владыка рычал, плевался кровавой слюной, вращал глазами. На улицу выбежали люди. Кинулись к правителю, и Вэю пришлось объяснять им, что Хиро и шаманку нужно увести в дом и взять под стражу. А после, отняв у правителя меч, глядя ему в глаза и тряся за плечи, он без конца повторял:

– Смотри на меня, правитель. Смотри! Ты победил. Оэ у твоих ног. Твои враги мертвы!

Кун трясся то ли от боли, то ли от помешательства и ничего не отвечал. Несколько воинов-охранников, стоя поодаль, наблюдали за ними, но не решались вмешаться.

– Ты победил, – повторял Вэй. – Слышишь меня? Отныне

все, к чему ты стремился – достижимо! Твои враги повержены. Ты обратил их в ничто! Прошу, услышь меня, повелитель!

Дрожь постепенно оставляла тело владыки. Безумный блеск в глазах сменялся холодной яростью.

– Отпусти! – заревел Кун.

– Слушай меня! – произнес ханец, все так же крепко сжимая пальцами его сильные плечи. – Ее нельзя убивать. Она – шаманка. Жители Оэ не подчинятся тебе, если ты заберешь ее жизнь!

Кун продолжал рычать.

– Ты должен сохранить ей жизнь. Кроме того, ты не знаешь, как погиб твой сын. Она должна рассказать об этом! Мой сын, – здесь Вэю пришлось призвать на помощь всю свою изворотливость, – пытался помешать тебе, потому что ему известны местные обычаи. Даже мальчик понял, что, убив мико, ты обратишь против себя всех местных людей! Он пострадал, пытаясь помочь тебе. Ему нужен уход, слышишь, владыка? Не позволяй горю поработить себя! Ты должен мыслить здраво!

Кун тряхнул плечами и обратил на ханьца тяжелый взгляд. Пальцы Вэя разжались против его желания: перед ним снова стоял хладнокровный воин, а не обезумевший отец. Вэй отошел на шаг и смиренно склонил голову, выказывая почтение и соболезнование.

– Ты прав, – хрипло, с горечью в голосе произнес владыка.

– Ты как всегда прав, ханец.

И, развернувшись, Кун неверной походкой направился внутрь дома. Вэй смотрел ему вслед. Грудь его тяжело вздымалась, сердце сжалось в страшных предчувствиях. Он не знал, какие мысли сейчас обуревали владыку, но готов был молиться и старым, и новым богам о том, чтобы расчетливый правитель победил безумца и не дал захлестнувшему горю подчинить себе разум Куна.

3

Вэй встряхнул головой и плечами, словно сбрасывая с себя видения и возвращаясь в настоящее. Обратил взгляд уставших глаз в угол – туда, где на соломенном тюфяке, укрытый оленьими шкурами, лежал Хиро. В свете огня, что весело трещал в металлической чаше на треноге, кожа юноши казалась желтой. Хиро стонал во сне. Вэй понимал, что не скоро еще увидит обычного неунывающего наглеца, сующего свой длинный нос, куда не следует, но был рад, что жизни мальчика ничего не угрожает. Кун разил без жалости, но на счастье Хиро целью его была шаманка. В тот момент, когда он оттолкнул Химико, меч лишь вскользь прошелся по его груди. И этого удара хватило, чтобы оставить на теле длинную рану, неглубокую, но требующую ухода. Что было бы, сложись обстоятельства по-другому, ханец предпочитал не думать.

Также он старался не гадать, поверил ли владыка тому,

что Хиро спас шаманку лишь оттого, что желал избежать гнева жителей. Мысли. Слишком много мыслей для одной головы, на которой за последние дни засеребрилось немало седых нитей!

Полог у входа колыхнулся и внутрь вошел владыка Кун. Двое охранников остались снаружи. Вэй знал, что им будет слышно каждое слово, произнесенное в комнате, а значит – разговор предстоял не тайный. Ханец немного расслабился и почтительно склонился перед своим правителем.

Кун выглядел плохо. Смерть сына выбила почву из под ног этого великого воина. Он был словно скала, вдруг оказавшаяся без прочного фундамента. В жестком взгляде появилась скорбь, тени залегли под глазами, четче обозначилась складка у рта, уголок которого теперь иногда подрагивал, словно не желая слушаться своего хозяина. Но вершины, которых достиг владыка, были покорены его железной выдержкой и умением идти к цели несмотря ни на что. Поэтому никому в голову не пришло бы усомниться в том, что этому человеку под силу добиться чего угодно, даже сейчас.

– Как мальчик? – хмуро спросил правитель, кивнув в сторону Хиро.

– Хорошо, – отозвался Вэй.

– Она заговорила, – мрачно, но с удовлетворением произнес вождь. – Она проведет ритуал и сопроводит павших в Тростниковую Равнину.

– Значит ли это?..

– Да. Это значит, что мой сын упокоится должным образом.

– Нет новости более желанной, повелитель! – произнес Вэй, снова склоняясь в поклоне. – Я искренне рад, что сердце твое отныне будет спокойно.

Правитель одарил ханьца взглядом, в котором поровну были смешаны насмешка и печаль, но вслух ничего не сказал. Вэй тоже ждал, понимая, что именно Кун должен нарушить теперь молчание.

– Настала пора говорить о будущем, – наконец, тяжело произнес владыка.

– Желаешь ли ты сделать это там, где никто не услышит нас?

– В этом нет нужды. Я не намерен скрывать от верных людей свои планы! Принесите нам вина из запасов Ёсиро! – крикнул Кун ожидавшим воинам. – Будем пировать на костях врага и делить добытые трофеи!

4

Они вдвоем устроились на ковриках из конопляной материи, которые не так давно были сотканы искусными руками младших жен Ёсиро. Воины принесли кувшин отменного вина из его запасов, и, обсуждая будущее, они не спеша пили его из изящных глиняных чашек, широких в верхней части и сужающихся к низу, в то время как тела правителя, его жен и детей лежали в отгороженной части дома, неомы-

тые, ожидая, когда решится их участь.

Кун отдал приказание на рассвете следующего дня перенести тела в большую пустующую такаюка[2] на окраине поселения, чтобы шаманка могла провести необходимые ритуалы и подготовить тела для погребения. Прежде чем предпринимать что-либо дальше, правитель хотел убедиться, что духи убитых не будут являться к нему по ночам, желая свершить месть, а скверна, принесенная смертью, не окажет гибельного влияния на его дальнейшую судьбу. Кун был задумчив, устал и хмур. Победа над Ёсиро далась ему дорогой ценой.

– И все же, – произнес ханец, обращая на него внимательный взгляд, – ты достиг, чего хотел.

– Нет, – покачал головой Кун, делая глоток вина. – Я хотел не этого. Неужели ты возомнил, будто все, к чему я стремился – это жалкий городишко вроде Оэ?

Ханец усмехнулся в усы. В его темных глазах заплясали рыжие искорки от огня.

– Оэ – вовсе не жалкий городишко! – возразил он. – Вспомни, окими, как ты жаждал властвовать в этом месте! Теперь, когда Оэ покорен, многие племена признают твою власть как сильнейшего. Разве не в этом было твое желание?

Владыка кивнул.

– Ты, как всегда, говоришь разумные вещи, Вэй. Но не за-

---

[2] Такаюка – тип жилища в древней Японии, представляющий собой строение, поднятое над землей на сваях.

бывай, что теперь, – по лицу правителя пробежала тень, – мне некого оставить управлять этим местом. Мой сын, который должен был стать моей опорой здесь, лежит безвольной грудой мяса и костей и ждет, когда упрямая девчонка снизойдет до заботы о его духе!

Кун раздраженно отбросил чашу, расплескав остатки вина, и стукнул кулаком о деревянный пол.

– Я связан по рукам и ногам! Я не могу уехать отсюда, не потеряв власть. Но мое присутствие необходимо также и в Куне – моей вотчине. Ведь там, в Куне, кузнецы льют железные мечи и наконечники для стрел. Там воины с рассвета до заката изнуряют себя упражнениями, чтобы враг бежал от них на поле боя!

– Да, – согласился Вэй, – все это так. И теперь необходимо принять решение, как быть дальше.

Кун усмехнулся.

– Я все уже решил, Вэй из Поднебесной. Именно поэтому мы с тобой сейчас и ведем этот разговор.

Вэй приподнял брови, изображая удивление. Он знал этого жестокого, властного человека достаточно хорошо, чтобы предполагать, что в делах, подобных этому, он предпочтет все решить сам. Но показывать свою догадливость Вэй считал крайне неразумным. Поэтому при последних словах правителя его рука с чашей замерла на полпути к губам, ханец чуть улыбнулся и произнес:

– Ты не перестаешь удивлять меня, окими! Когда мне ка-

жется, что ты подавлен, ты размышляешь. Когда я в страхе думаю, что ты сломлен – ты строишь планы. Посвяти же и меня в свои замыслы!

Кун хохотнул, кинув на собеседника быстрый взгляд – похоже, слова Вэя польстили ему. Он крикнул воинам, чтобы принесли еще вина и новую чашу, а потом, чуть наклонившись к ханьцу, проговорил:

– Ты прав, Вэй из Поднебесной: теперь, когда в Оэ нет человека сильнее меня, многие задумаются, как скоро воины Куны встанут у ворот их селений. Страх будет нашим лазутчиком – он проберется в каждую деревню, в каждый дом. Каждый вождь задумается о судьбе Ёсиро. Каждый отец задрожит при мысли, что его сыновья могут окончить жизнь так же, как сыновья Ёсиро. Страх – верный помощник для нас!

Вождь осклабился, и уголок его рта дернулся, двигаясь, будто сам по себе.

– Ты же, – он снова обратил к Вэю свой тяжелый взор, – отправишься в Куну, взяв с собой Китиро и его людей, чтобы они могли подтвердить каждое твое слово. Ты доставишь в Куну мои распоряжения относительно будущих действий, оставишь Китиро там управлять в мое отсутствие, а сам вернешься сюда. По пути остановишься в поселении Кюсин и объявишь правителю Таки, что отныне властелин земель, лежащих между Куной и Оэ – я. Староста любой деревни и любой вождь должен испрашивать у меня разрешения, что-

бы оставаться на своем месте. Ты передашь ему мое повеление о том, что отныне главным божеством, которое обязаны чтить жители всех земель вокруг, станет Хатиман – *ками* войны. Каждый правитель должен установить алтари и воздавать почести Хатиману, восславляя при этом и меня. Имя мое отныне под запретом, но любой, упоминая Хатимана в молениях, должен тут же помянуть и великого окими, чья власть простирается над землями Ва, как любимого сына бога войны. После этого ты вернешься сюда.

На этот раз ханьцу не пришлось притворяться, чтобы изобразить удивление. Он продолжал вопрошающе смотреть на Куна, словно ожидая, что тот сейчас объяснит, как пришел к таким решениям, но вождь окончил свою речь и теперь, не скрывая торжества от того, что удалось поразить ханьца, смотрел на него, скалясь крепкими зубами.

– Что так удивило тебя?

– Твое решение именоваться любимым сыном божества войны, повелитель.

– Что ж, – блеснул глазами Кун, и лицо его приняло хищное выражение, – боги отняли у меня одиннадцать детей, ханец. Я знаю, что лишен радости видеть свое продолжение в потомках. Сын или дочь – любой ребенок, рожденный от моего семени, обречен погибнуть, не дожив до трех дней. Та же судьба ждет и его мать. Одиннадцать женщин вынашивали моих детей, и все одиннадцать мертвы. Кацуо был единственным из детей, кому удалось сохранить жизнь, спрятав

от проклятия *ками*. Теперь и его дыхание прервалось, и я понимаю, что никогда больше не стану отцом. Так скажи мне, Вэй из Поднебесной, отчего бы мне не зваться тем, кем я хочу себя называть? Боли большей, чем уже испытало мое сердце, мне не испытать никогда. Ко всему остальному я готов. Поэтому отныне я обяжу каждого, кто склонит передо мной голову, именовать меня окими и любимым сыном *ками* войны Хатимана! Тебе все еще есть, что возразить мне?

Его собеседник почтительно склонил голову, соглашаясь с доводами господина. Некоторое время они пили вино в молчании. Кун – мысленно перебирая в памяти года, проведенные с сыном. Вэй – размышляя о том, как жестока может быть судьба, и какие непредсказуемые последствия может принести эта жестокость.

Двое мужчин не подозревали о том, что еще один человек внимательно прислушивался к их разговору. Охрану Кун давно отослал, приказав нести дозор снаружи, но все-таки еще одна пара ушей, принадлежащих любопытному юноше, чутко ловила каждое слово, что произносили вождь и его советник. Хиро лежал, боясь пошевелиться и этим выдать свое присутствие, а захмелевшие мужчины, казалось, забыли о нем.

– Позволь спросить тебя, повелитель, – произнес Вэй негромко, нарушая молчание, – за что ваши боги покарали тебя так сурово? Мужчине горько не иметь наследников, а для правителя это и вовсе опасно!

– Ты прав, – согласился вождь, опечаленно качая головой. – Ты, пожалуй, единственный, кому я могу рассказать об этом, Вэй из Поднебесной. Любого другого я бы покарал за такой вопрос. Но ты чужеземец, и для меня ты доверенный человек.

Он помолчал, словно решая, стоит ли продолжать, но в конце концов тряхнул головой и произнес:

– Слушай же, и никогда больше не возвращайся к тому, что услышишь сейчас.

5

Солнечные блики яркими пятнами рассыпаны то там, то тут на траве и нежной листве деревьев. Влажный теплый воздух наполнен запахами. Щиколотки тонут в мягком ковре из мхов. Птицы заливаются так, что хочется улечься прямо на землю и слушать, слушать… Мальчик любил этот лес. Мать, бывало, посылала его набрать здесь ягод и орехов, вручив большую плетеную корзину, а отец учил стрелять из короткого лука, выслеживая мелкую дичь.

Сегодня их отправили отнести на алтарь *ками* леса рисовых и ячменных колосьев – угощение, которое богиня не найдет в лесу. Мико велела. Жить в согласии с богами – первое дело, если хочешь быть сыт! Колосьев не жалко! Зато и от лесной девы можно ожидать щедрости в ответ.

Мальчик убежал вперед. Лес он знал, как свои пять пальцев. Им, понятное дело, наказали идти всем вместе, но что за

удовольствие плестись с малышней? Младшие не пропадут. С ними двое его приятелей. Будут потом, конечно, дуться, что Кун их бросил, но дальше жалоб дело не пойдет. А то и он в ответ может пожаловаться отцу! А кто захочет навлечь на себя недовольство старосты?

Он хмыкнул и припустил, что есть духу, на ходу перепрыгивая через кочки и поваленные деревья. Бежал, пока не устал. Где-то рядом журчал ручей, и мальчик подумал, как здорово было бы запустить в его холодную воду ладони, умыть лицо и напиться, а потом пробраться к алтарю раньше остальных – они, наверное, еще только идут туда! – и, выпрыгнув из-за деревьев, завыть волком. То-то страху будет!

Замысел казался замечательным.

Ориентируясь на звук воды, Кун выбрался к ручью. Вот он – рядом совсем, шумит за кустарником. Однако, уже раздвигая ветки, он вдруг замер и присмотрелся. У самой воды, среди мелких камешков возились странные существа: с зайца размером, многолапые. Мерзкие волосистые лапки, напоминающие паучьи, серое в крапинку туловище. Так и есть – пауки, если бы не… Мальчик охнул и ладонью зажал рот, чтобы не выдать себя неожиданным вскриком. На коротких кривых шейках сидели человечьи головы! Самые настоящие, только размером меньше. Редкие брови, глаза с толстыми ресницами выпучились, как у сов в ночи. Из открытых ртов слюна капает. Фууу! Мерзость-то какая! Мальчик замер, наблюдая из-за кустов, как противные создания копошатся у воды,

опускают к ней рты с толстыми губами, лакая по-кошачьи.

Рука его сама потянулась к короткому луку, что висел за спиной. Были у него с собой и несколько стрел – отец никогда не отпускал за частокол безоружным. Кун приладил стрелу, прицелился, высматривая тварь, что была поближе, чтобы попасть в некрасивый выпученный глаз… И тут что-то зашуршало в дальнем кустарнике, и на берег оттуда выползло кривоногое существо размером примерно втрое больше тех, что Кун приметил сразу. Волосатое тело венчала женская голова. Длинные волосы паучихи были аккуратно забраны в высокую прическу. Выпуклые глазки беспокойно бегали, рот кроваво-красного цвета не переставая чмокал, как будто она пыталась что-то съесть. Куну отчего-то сразу стало ясно, что это мать безобразных созданий явилась за своими детьми.

В свои двенадцать он неплохо управлялся с луком.

Первая стрела вонзилась в жирного паучка, оказавшегося ближе других, войдя точнехонько в глаз. Что тут началось! Мать завопила. Голос у нее был тонкий и неприятный. Малышня беспорядочно суетилась, не понимая, куда бежать, а мальчик, укрытый зеленью кустарника, посылал одну стрелу за другой. Но вот стрелы у него закончились. Мать-паучиха все еще стояла на своих кривых лапках, и двое детенышей все еще жались к ней.

Кун с ухмылкой вышел из своего укрытия. Он не боялся тварей. На поясе у него висел маленький железный нож, и мальчик собирался теперь пустить его в дело.

Паучиха заметила его, и кроваво-красный рот затрясся, сложившись в некрасивую гузку. Выпуклые глаза наполнились слезами. «Надо же – плакать умеет, тварь!» – подумал Кун, вырывая стрелу из мертвого паучка и прилаживая к тетиве. Мать он хотел подстрелить издалека, а уж потом с помощью ножа разобраться с ее гаденышами.

Тут из леса, из-за кустарника, где только что он сам прятался, показалась дева, красотой сравнимая с осенней луной. Бледная кожа и прекрасные черты ее будто светились изнутри. Длинное просторное одеяние голубого цвета, расшитое золотыми цветами, ниспадало до земли, но дева будто плыла над ней, словно легкое туманное облако, и края ее одежды не задевали траву и упавшие ветви. Длинные серьги из зеленых камней украшали изящные уши, а шея в несколько слоев была обвита бусами разных цветов. В белых руках дева держала сосновую ветку. «*Ками* леса!» – подумал мальчик, и не успел ни испугаться, ни упасть на колени, как дева приблизилась к нему и прошептала, словно ветерок прошелестел в деревьях:

– Это моя помощница, мальчик. Зачем ты так с ее детьми?

– Какие же это дети? – брезгливо прошептал Кун в ответ. – Это безобразные чудовища!

– Дети бывают разными, – был ему ответ. – Оставь ее, иди своей дорогой.

Кун вроде бы и знал, что нужно послушаться, но не спешил опускать лук.

– Пожалей ее! – мягким шепотом попросила дева.

Но он не стал. Слишком сильной была мерзость, распространяемая чудовищем, слишком неприятным был ее вид. Помотав головой, Кун спустил стрелу и она вошла в глаз паучихи ровно наполовину.

– Стой! – взмолилась *ками* странным шепотом. – Не тронь детей! Они невиновны!

Но будто безумие красной пеленой застило глаза стрелка. Хищно оскалившись, Кун отбросил лук и выхватил острый железный нож. Дева закрыла лицо руками.

– Остановись! Не губи детей! – простонала она, но было уже поздно.

Два последних бездыханных тельца трепыхались, на каменистом бережке. Их некрасивые детские головы лежали рядом, отсеченные лезвием.

Дева заплакала. Бледно-голубые слезы, словно вода из чистого ключа, заструились по ее красивому лицу.

– Убийца! – горько прошептала она. – Я – мать каждому живому существу в этом лесу! Ты убил моих детей, жестокий юноша! Но знай, что и тебя не минует эта боль. И тебе суждено будет переживать ее снова и снова. За то злодеяние, что ты совершил, я проклинаю тебя: ни один ребенок, зачатый от твоего семени, не проживет дольше трех дней. Испытай и ты то, что заставил меня испытать сегодня!

С этими словами дева исчезла, растворившись, словно утренний туман, а мальчик, все еще сжимая нож в руке, остался стоять у ручья. Жалел ли он о том, что совершил?

Нет. Пока еще не жалел. Потому что не понимал в полной мере страшных слов, которыми прокляла его богиня.

6

Правитель закончил свой рассказ. По щекам его текли слезы. Ханец понимал, что одно лишь то, что он видел Куна плачущим, ко многому обязывает его теперь. Возможно, вождь уже и сам жалел о том, что рассказал Вэю о давней истории, в которую ханец, не признававший местных богов, мог и не поверить вовсе, решив, что виной всему не проклятие богини, а какой-нибудь редкий недуг или расстроенный разум правителя… Ведь, в конце концов, воины гибнут в сражениях, а младенцы умирают от болезней!

Но Вэй в последние дни и сам не мог решить, во что теперь следует верить. Божества этих земель, которых он считал не более, чем плодом варварских суеверий, подбирались к нему все ближе, заставляя усомниться в собственном всезнании. Ведь видел же он деву-воительницу за спиной маленькой шаманки! Или то был всего лишь мираж его уставшего сознания?..

Вэй старался, чтобы мысли не отражались на его лице. Чутьем понимал, что Кун, закаленный в сражениях грозный воин, раним и чувствителен, когда дело касается погибшего сына. Последнее, чего ханец желал – это оказаться причиной стыда этого жестокого и мстительного человека.

Как бы ни был труден рассказ о своем проклятии, вождь

справился с эмоциями и овладел собой довольно быстро. Ни вино, ни усталость не могли сделать его мягкотелым. Несколько мгновений, и перед ханьцем сидел окими, твердый как скала, а скорбящий отец был заточен глубоко внутри, под непробиваемой броней, и незнающему человеку ни за что бы не догадаться о самом его существовании.

Вэй безошибочно определил, что вождю не нужны его ободрение и участие. Возможно, о проклятии богини он рассказал, потому что сам хотел разделить это бремя с кем-то, кто не станет болтать, и теперь, сделав это, владыка уже испытал облегчение. А потому Вэй ждал, чуть склонив голову, чтобы взгляд его не встречался со взглядом правителя.

Не говоря больше ни слова, Кун поднялся. Направился к выходу обычной твердой походкой, и лишь перед тем как скрыться за пологом, произнес:

– Как только шаманка проведет погребение, отправляйся в Куну. Будь готов, Вэй из Поднебесной!

Затем правитель оставил его, и Вэй погрузился в собственные тяжелые мысли. Не поездка в Куну заставляла его сердце неприятно сжиматься, но необходимость посетить другое место и говорить с другими людьми наводила ужас больший, чем ожидание кровавого боя. Вэй знал, что в поселении Кюсин ему придется встретиться с Акеми, дочерью Ёсиро, бывшей замужем за правителем Таки, и рассказать ей о том, как встретил конец ее отец. Знал он также, что, рассказывая об этом, не сможет выразить ей соболезнования, не

сможет, как бы ни желало этого сердце, утешить эту молодую женщину. Он вынужден будет вести себя прямо противоположным образом: Кун обязал его сообщить правителю Таки и его семье о том, что отныне они обязаны признать верховенство над ними – склонить головы, выстроить алтари для почитания божества, которое не чтили ранее. Вэй понимал необходимость этих действий, и все же ощущение собственной нечистоты все больше разрасталось в нем. Образ Акеми – этой добродетельной красавицы, честной, отважной и доброй сердцем, страшил его больше образа солнечной богини. Вэю хотелось отречься от всех божеств – и старых, и новых – и поклоняться только ей. Но он хорошо понимал, что в этой жизни его желанию не суждено осуществиться.

ГЛАВА III

1

Осенними месяцами луна на небосводе особенно прекрасна. Именно тогда в темном небе, на котором разноцветными светлячками поблескивают звезды, луна выглядит особенно величественно и сияет особенно ярко. *Ками* Цукиёми любит это время – время наивысшего торжества и наивысшей своей красоты. Смертные – дети богов, в осенние месяцы чаще поднимают головы кверху, чтобы полюбоваться чистым мягким светом и шепотом произнести слова восхваления лунному божеству – так, чтобы не обидеть его сестру, солнечную богиню.

Осенние ночи приносят прохладу. Это еще пока не те ночи, когда промозглый ветер заставляет плотнее запахивать одежду и растения начинают чахнуть и желтеть. Но и духоты, что мучает летом даже в темноте, больше нет. Воздух свеж и приятен, лунный диск сияет на небесах в обрамлении звезд, как самая прекрасная жемчужина в короне, окруженная сестрами поменьше и поскромнее. Такими ночами приятно сидеть у костра, не торопясь укрыться в стенах жилища. Слушать, как старики рассказывают о давно минувших событиях и ушедших в Тростниковую Равнину людях. Потягивать напиток из трав, что несут крепкий сон, и радоваться тому, что сам еще топчешь ногами землю.

Костер горел ровно и весело. Собравшиеся вокруг люди прихлебывали из мисок суп и негромко переговаривались между собой. Каждый из них знал другого – жители Оэ, на головы которых за последние дни свалилось столько неприятностей: смерть правителя, пропажа шаманки, новый владыка, слава о жестокости которого шла впереди него самого… Жителям Оэ было, что обсудить этим теплым осенним вечером.

Среди этих людей было лишь две фигуры, что сидели рядом с костром и пили суп вместе со всеми, но не были знакомы жителям. Древняя старуха и женщина, закутанная с головы до ног в кусок непонятного цвета материи. Пришлые. Но чашка супа и место у костра стоят немного, а обычаи Оэ требовали уважать возраст и по мере сил выказывать гостеприимство путникам. Поэтому женщин приняли радушно, и теперь они наравне с другими наслаждались поздним вечером, вкусной едой и приятной компанией.

Старшая из них одной ногой была уже в ином мире: руки ее дрожали, передвигалась она лишь опираясь на свою дочь (так решили местные), кожу ее лица покрывали глубокие складки. Она без конца хватала свою спутницу за руку, а потом, словно вспомнив о чем-то, отпускала ее и возвращалась к своим мыслям, что-то тихо бормоча под нос.

– Бабушка! – ласково обратилась к ней женщина, сидящая рядом.

Звали ее Цудзи, и была она женой местного охотника и

матерью троих его детей.

– О чем ты беспокоишься так?

За старуху ответила вторая женщина. Она повернулась к Цудзи, чуть наклонилась в ее сторону, но и при этом движении лицо ее осталось скрытым волнами ткани.

– Матушка так надеялась обратиться к шаманке Оэ! – произнесла она, качая головой. – Жаль, что она пропала.

– Может, пропала, а может и нет ее в живых больше, – произнесла, качая головой, Цудзи. – Говорят, Мизуки покончила с собой, когда узнала, что Ёсиро мертв. Большое горе! – всхлипнула женщина.

Незнакомка потрепала ее по полной руке и успокаивающе произнесла:

– Вам повезло, что у Мизуки была ученица.

– Верно, верно, – закивала женщина. – Солнечная шаманка. Она еще юна, но, поверь мне, обладает удивительной силой! Боги не оставят Оэ без своего покровительства.

Старая женщина встрепенулась при упоминании ученицы Мизуки.

– Я хочу увидеть Химико, – произнесла она надтреснутым голосом, и младшая женщина принялась успокаивающе гладить ее по руке.

– Вы пришли вовремя! – довольно произнесла Цудзи. – Завтра все жители Оэ будут присутствовать на погребении правителя Ёсиро, его семьи и воинов, павших в сражении. Печальное событие! Но вы сможете увидеть юную Химико и,

если повезет, твоя матушка сможет обратиться к ней со своей просьбой. Скажи, что нужно женщине в таком почтенном возрасте от мико?

Ее собеседница, казалось, запнулась на мгновенье, прежде чем ответить:

– Матушка знает, что ей недолго осталось на этом свете, и хочет взять у шаманки обещание позаботиться об алтаре в нашей деревне. У нас в деревне нет своей мико.

– Вот оно что! – понимающе закивала Цудзи. – Твоя матушка слышала богов в молодости?

– Вовсе нет, – улыбнулась черными зубами женщина. – Но она дала обет заботиться об алтаре, и теперь ее гложет тревога о том, кто будет делать это после ее смерти.

– Какая достойная женщина! – восхищенно проговорила Цудзи, с почтением глядя на старуху. – Да только мико Мизуки никогда не покидала Оэ, и Химико незачем оставлять поселение и отправляться боги знают куда. Не думаю, что она согласится.

– Видно будет, – произнесла незнакомка и прихлебнула супа из чашки. – Скажи мне, добрая женщина, где мы можем остановиться на ночь?

Цудзи задумалась.

– Можете спать в нашем доме, а завтра вместе со всеми присутствовать на погребении.

– Благодарю тебя за гостеприимство! – с поклоном произнесла ее собеседница. – Моя мать едва ходит. Я рада, что

нам не придется искать ночлег этой ночью. Правда, боюсь, что мы вдвоем стесним твою семью.

– Все мы когда-нибудь достигнем старости, – рассудительно заметила Цудзи. – Забота о стариках сегодня завтра вернется к тебе добротой других! Не беспокойся о ночлеге для себя и матери. Я все устрою.

Женщина еще раз поклонилась, выказывая благодарность, а затем продолжила пить суп, в молчании глядя на пламя. Костер догорал, темнота становилась гуще и чернее. Жители начинали расходиться по своим домам.

Ками луны взирал с небес на своих смертных детей, величественно сияя в окружении звезд на небосводе. Ему торопиться было некуда – впереди была долгая осенняя ночь.

2

Кладбище было устроено с западной стороны от Оэ, за границей поселения. Здесь находили последнее пристанище останки крестьян, охотников и мастеров, после того как мико проводили над ними обряд, помогавший духам найти путь в Тростниковую Равнину, а телу смиренно покоиться в земле. Кости умерших, омытые, отделенные от мяса и сухожилий, клали в большой глиняный сосуд в форме кувшина, который закапывали в благоприятное время глубоко в землю. На всякий случай. Ведь покой требовался не только мертвецам, но и тем, кого они оставили в мире живых.

Химико хорошо знала, что следует свершить, чтобы у ду-

хов не возникло желания навестить близких. За время, что Мизуки учила ее, им вдвоем не раз доводилось провожать в последний путь жителей Оэ.

За эти дни она очень устала, и усталость эта была не столько от физической работы и подготовки тел (Кун позаботился о том, чтобы у мико было все необходимое, в том числе и помощники), сколько от того, что спать ей удавалось совсем мало. Приходилось много смеяться и петь, призывая *ками* – ведь всем известно, что горе и стенания отпугивают провожатых в иной мир. А как иначе осветить духам дорогу туда?

К утру захоронения она буквально валилась с ног. Однако твердила себе, что нужно продержаться еще совсем немного: когда Ёсиро, его семья, а с ними и все остальные упокоятся с миром, придет черед отдохнуть и ей. Ни о чем не мечтала она сейчас так, как об отдыхе!

Для правителя и его семьи вместо сосудов были изготовлены гробы. Химико хорошо понимала, что не только ей, но и мастерам не удавалось сомкнуть глаз последние несколько ночей. Ценная утварь, собранная в огромном количестве, была сложена вместе с телами. Бронзовые колокола без языков, оружие, керамическая посуда и драгоценные украшения лежали в голове у Ёсиро. В ногах его покоилось тело старшей жены – госпожи Мамори. Младшие жены, а также все дети правителя были положены отдельно, в своих собственных гробах.

Особой чести удостоился Кацуо. Химико понимала, что

иначе и быть не могло: Кун позволил похоронить своего соперника с почестями лишь с одной целью – чтобы и его сын упокоился так, как подобает великому воину. Вместе с телом юноши лежала гора начищенного до блеска оружия: ножи, мечи и длинные ритуальные алебарды – все для того, чтобы и в ином мире воин не испытывал ни в чем недостатка. Тело юноши было укрыто материей ярких цветов, а в руку вложен жезл, который при жизни носил Ёсиро – символ власти правителя Оэ.

День погребения выдался теплым и солнечным. Хороший знак – солнечная богиня не отворачивалась от мертвецов. Сосуды и гробы были перенесены на кладбище еще до рассвета и уложены в вырытые заранее большие ямы. Крышки на них были уже опущены, но Химико не нужно было видеть лиц умерших, чтобы знать, кто из них находится в каком месте. Ее помощники – крепкие мужчины, выполнив все, что шаманка поручила им, могли позволить себе отдых, но ей приходилось держаться из последних сил. Химико повторяла себе, что осталось совсем немного, но все же не выдержала и уснула ненадолго, когда приготовления были окончены. Свернулась прямо на земле, ничуть не смущаясь наличием могил вокруг.

Разбудили ее голоса – к холму, на котором в Оэ хоронили умерших, начинали собираться люди. Не желая быть застигнутой в таком положении, Химико быстро встала и постаралась придать себе достойный вид: глядя в бронзовое зерка-

ло, висевшее на шее – символ солнечной богини, проверила не осыпались ли белила и не всклокочены ли волосы. А затем вышла навстречу людям.

На холме постепенно собрался весь Оэ. Люди толпились вокруг, подходили к ямам с гробами и сосудами-кувшинами, переговариваясь тихими голосами. С Химико никто не заговаривал, но каждый, встречаясь с ней взглядом, почтительно опускал глаза. Девочка помнила, что так же все они поступали, встречаясь с Мизуки, и в который раз ощутила тоску, вызванную неизвестностью. Где сейчас ее наставница? Жива ли она? Как она сможет управляться со столькими обязанностями в одиночку, если Мизуки так и не объявится? Странное ощущение причастности, связи с этим местом наполнило Химико. Проведя в Оэ несколько лет, теперь она считала его своим домом, а себя – ответственной за спокойствие его жителей. Неужели ей, подобно тому, как Мизуки была связана с Ёсиро, предстоит ощутить связь с нынешним правителем? Для этого жестокого человека Оэ – не больше чем ступень в лестнице к иной цели. Химико ясно ощущала это, хотя и не могла пока понять точно, в чем эта цель заключается. Кун – вероломный убийца, не погнушавшийся пойти на обман, чтобы достичь своего. От него можно ожидать самых ужасных поступков.

Но мысли эти вдруг стали для Химико не такими значительными, как ощущение того, что пришло время исполнить свой долг. Никто кроме нее не мог завершить обряд погре-

бения, что длился уже несколько суток. Тела были омыты и убраны должным образом. Боги забрали духи умерших к себе. Теперь же настала пора упокоить их тела – и на этом закончится тяжелый труд, легший на ее плечи.

Она увидела, что к холму подходит Кун со своей охраной. Встретила его взгляд, без страха и ненависти – достойно, как и подобает мико, и сняв с груди висевшее на кожаном шнурке зеркало, подняла его высоко над головой. Солнце отразилось в нем, посылая через блестящий металл свои отражения смертным детям. Люди притихли и расступились, образовав вокруг Химико полукруг. Ближе всех стоял новый правитель. Девочка в торжественном молчании продолжала держать зеркало над собой и постепенно тишина стала полной. Время пришло.

3

Мизуки стояла за спинами других людей, намеренно не показываясь на глаза девочке. Не сейчас. Сейчас ей нужно сосредоточиться на другом. Опиравшаяся на ее руку Ама тоже прекрасно понимала, что дочери сейчас приходится нелегко. Она молчаливо стояла, не сводя взгляда своих удивительно молодых глаз с маленькой фигурки Химико, и тихонько улыбалась краешком рта.

В первое мгновенье, увидев ее, Мизуки подумала, что лишится чувств. Перед ней была вовсе не та Химико, которую она привыкла видеть рядом с собой. Несколько дней,

прошедших с момента их разлуки, преобразили ее: добавили трагичности облику, и теперь она была похожа на взрослую женщину, многое пережившую и перед многим выстоявшую. Мизуки сразу отметила, что ученица едва стоит на ногах. Надо думать! Столько мертвецов, включая… К сердцу подобралась паника, и бывшей шаманке стоило немалых усилий, чтобы произнести это имя даже внутри себя – включая правителя Ёсиро. Но она знала, что обязана быть сильной. Сейчас – ради нее, что стоит одна, встречаясь взглядом с толпой и имеет силу не показывать, как напугана. Сейчас – ради нее. Со всем остальным она сможет разобраться позже. Поэтому Мизуки стояла за спинами горожан и смотрела, стараясь не привлекать внимания.

Скулы Химико заострились. Кожа побледнела. Это было видно по запястьям – лицо, покрытое белилами, и без того имело мертвенно-бледный цвет. Но там, где длинные рукава рубахи сползали ближе к локтю, когда она поднимала руки вверх, открывалась ее собственная кожа, и Мизуки отметила, что она имеет нездоровый оттенок. Девушка, кажется, похудела еще больше. Глаза из-за этого казались огромными. Впечатление усиливали черные тени под ними, которые проступали даже через белила. «Смотри! И не смей считать, что тебе одной больно!» – мысленно обратилась Мизуки сама к себе.

О чем думала Ама, она не могла представить. За те несколько дней, что прошли от их выхода из горной пещеры,

она одряхлела еще больше. Старость вела войну, в которой дух Амы не мог победить. В душе Мизуки была рада, что сейчас она хотя бы может видеть дочь – кто знает, что было бы, задержись они еще на несколько дней? Она уже едва могла стоять без помощи. Волосы поредели настолько, что местами на голове была видна высохшая кожа. Ногти пожелтели, кожу на руках и ногах покрыли пятна… И только глаза каким-то чудом оставались все такими же прекрасными, как и в первый день их встречи. Как и тогда, когда Ама была молодой – так думала Мизуки.

Химико, подняв зеркало высоко над головой, завладела вниманием собравшихся. Затем, обращаясь ко всем, произнесла подходящие случаю слова. Мизуки мысленно похвалила ученицу – ни слова не сказала она о том, что правитель был вероломно убит, и его убийца стоит сейчас прямо у края его могилы. У девочки хватило мудрости не произносить вслух то, о чем каждый сейчас думал.

Она лишь, исполняя прямые обязанности шаманки, оповестила жителей Оэ, что ныне многие ушли в Тростниковую Равнину. *Ками* осветили им путь, а потому причин для скорби нет. Должно лишь проводить достойно их тела, чтобы они почивали в мире и не тревожили тех, кто еще не скоро присоединится к ним. Затем, первая набрав горсть земли, бросила ее на могилу Ёсиро и отошла, освобождая путь к ямам жителям Оэ. Кун, стоявший к ней ближе всех, подал пример остальным. Правитель наклонился, зачерпнул взрыхленную

землю своей большой ладонью и высыпал все до крошки на могилу своего предшественника. Потом прошел далее и проделал все то же самое еще раз, стоя над могилой своего сына. Он повторял этот ритуал снова и снова, пока не обошел каждую могилу. Ибо мертвецы должны быть закопаны всем поселением. Каждый обязан участвовать в этом – и ребенок, и старик, и женщина, и мужчина. И ритуал этот не должен прерываться, пока не будут погребены все. Лишь шаманке достаточно бросить первую горсть.

Кун обошел каждую могилу, а затем удалился в молчании, не произнеся ни слова за все время. Что творилось в его черном сердце, не знал никто.

После этого к могилам потянулись все остальные. Горожане усердно закапывали покойников, набирая горстями землю и забрасывая ею могилы. Мертвецов было много – сегодня жителям Оэ предстояла большая работа. Когда дело будет сделано, связи покойников с этим миром прервутся, а живые смогут очиститься, посыпав голову солью, а после войдя в речную воду. Скверна уйдет, а значит и жизнь вернется в привычные рамки. Продолжится, не смотря ни на что.

4

Мизуки почувствовала, что Ама теребит ее за руку.

– Подведи меня к ней! – попросила старуха тихим надтреснутым голосом.

– Сейчас, старшая сестра, – так же негромко ответила ей Мизуки.

Химико стояла в одиночестве, чуть отойдя от разверзнутых могил. Ее дело было сделано – осталось лишь убедиться, что все ямы будут заполнены доверху. Теперь она, позволив лицу чуть менее торжественное выражение, молча наблюдала, как жители выполняют свою часть ритуала.

Мизуки хотела дать Аме возможность первой поговорить с дочерью. А потому она не стала снимать материи, скрывавшей ее лицо, и подвела Аму молча, чтобы девочка не услышала ее голос.

Они приблизились – очень медленно, потому что Аме тяжело было идти даже так. Мизуки поражалась тому, что та вообще смогла простоять так долго, и гадала, каких усилий стоили ей теперь эти последние шаги.

Девочка повернулась к ним, и на миг Мизуки показалось, что она смогла увидеть под материей ее лицо – так переменилось в одно мгновенье выражение ее собственного. Но нет – девочка смотрела на Аму. А Ама, не отрываясь, смотрела на нее и из ее красивых глаз текли слезы. Химико порывисто подошла к ним и остановилась совсем близко, будто не решаясь дотронуться до гостьи.

– Матушка? – прошептала она.

Сморщенное лицо Амы осветила улыбка. В этот момент она не казалась ни дряхлой, ни безобразной. Будто луч света сошел на нее, на миг вернув былую молодость и красоту.

– Ты узнала меня, – слабо прошептала она. – Ты узнала меня!

Мизуки не могла понять, каким образом девочке стало известно, что перед ней женщина, давшая ей жизнь, но у Химико сомнений в этом не было.

– Я помню твой облик, когда ты явилась, чтобы спасти меня от сына владыки Куна! – взволнованно произнесла она.

Ама протянула сморщенную руку и дотронулась до плеча дочери.

– Харуко любила тебя, – прошептала она, будто пытаясь прикосновением придать веса своим словам. – Но она не была тебе матерью.

– Я знаю, – произнесла Химико, так же дотрагиваясь рукой до ее плеча.

Они стояли, глядя друг другу в глаза, и, казалось, вели между собой никому не слышный разговор. Лицо Амы становилось все светлее и умиротвореннее. И никому вокруг, казалось, не было до них дела.

– Я люблю тебя, – снова произнесла Ама едва-слышно, и ее сухие губы раздвинулись в улыбке. – Я так долго хотела сказать тебе это, дочь. Все годы, что не могла быть с тобой, я не переставала думать о тебе и любить всем сердцем.

На глазах Химико тоже выступили слезы.

– И я люблю тебя, матушка, – прошептала она.

Женщины обнялись. Мизуки отпустила руку старшей сестры, чтобы она могла соединиться с дочерью в полной ме-

ре. Она все еще не решалась заговорить, чтобы не нарушить происходившее между ними таинство.

– Сацу, – произнесла Ама еле-слышным голосом, – моя любимая дочь…

Силы, казалось, вот-вот оставят ее. Ее ноги уже подкашивались, и Мизуки видела, что Химико стоит усилий поддерживать мать.

– Я не жила в Оэ, – продолжала между тем Ама, которая, казалось, никого и ничего кроме дочери не видела больше, – а потому не будет нужды в том, чтобы все поселение бросало землю на мою могилу. Но ты проводи меня, дочка. Мой дух вот-вот оставит тело. Все последние дни я заставляла себя прожить еще немного только для того, чтобы встретиться с тобой. Теперь это произошло, и я могу спокойно отойти в иной мир. Я всегда хотела, чтобы ты знала… – ее дыхание стало сбивчивым, и Химико пришлось присесть на землю, чтобы Ама тоже могла опуститься. – Я хотела, чтобы ты знала, что я… любила тебя всегда.

Последние слова она произнесла так тихо, что слышны они были лишь Химико, склонившейся над матерью. Затем по телу ее пробежала дрожь, и она замерла на руках у дочери, чтобы больше никогда не пошевелиться. Химико продолжала сидеть, обняв ее. Глаза ее блестели и Мизуки, наблюдавшая за девочкой, поняла, что она сдерживается из последних сил.

– Ты можешь плакать, – произнесла она мягко, откидывая

материю с лица, – можешь, сестра. В этом нет ничего стыдного, даже для шаманки.

Химико перевела на нее изумленный взгляд, и Мизуки обняла ее, вложив в это объятие всю нежность, на какую была способна.

– Сестра? – изумленно прошептала девочка. – Это ты привела матушку ко мне?

Мизуки кивнула.

– Я рада, что смогла приблизить вашу встречу. И я рада, что вновь могу быть здесь, рядом с тобой, Химико.

– Я так ждала тебя! – прошептала девочка, наконец выпуская все свои страхи и боль. – Мне было так страшно и одиноко. Правитель Ёсиро…

– Я все знаю, – печально произнесла Мизуки. – Поэтому я здесь. Я не оставлю тебя, сестра. Мы вместе пройдем этот трудный путь.

Химико благодарно улыбнулась ей и впервые за много дней смогла вздохнуть спокойно и с облегчением. Она почувствовала, что не одна. Что никогда не была одна. Понимание этого пришло к ней, словно теплый солнечный луч, пробившийся сквозь тучи и непогоду. Вместе с ним Химико ощутила прилив силы. Пусть сбудется то, чему суждено сбыться. Вместе с наставницей, вместе с любовью матери, поселившейся теперь внутри, она знала, что справится со всем, что боги уготовили для нее.

ГЛАВА IV

1

Хиро не присутствовал на церемонии погребения правителя и остальных павших, поскольку не оправился к тому времени от ранения. Скверна, сопровождавшая смерть и похороны, через незалеченные раны могла просочиться внутрь тела – так, по крайней мере, полагали жители Ва – поэтому его смотреть на погребение не пустили. Обо всех событиях, произошедших там, включая неожиданное появление шаманки Мизуки, которая (опять же по слухам) больше не являлась шаманкой, юноша узнал от Вэя. Ханец присутствовал при всех событиях от начала до конца, но со свойственной ему осторожностью предпочел ни во что не вмешиваться, а лишь наблюдать, не привлекая внимания.

Теперь Вэй собирался в дорогу. Чернее грозовой тучи ходил он по дому и отдавал последние распоряжения. Хиро была известна истинная причина уныния, что грызло Вэя и заставляло хмурить кустистые брови, но проведя с ним достаточно времени, юноша усвоил главный урок – ценность умения помалкивать. В этом мастерстве ханец мог превзойти любого – знать, но молчать; догадываться, но догадками не делиться; строить планы и хранить их в тайне от посторонних. Хиро тоже понемногу постигал это искусство. Он мог бы, придав лицу ехидное выражение, поинтересоваться

у ханьца, чего ждет он от встречи с прекрасной Акеми, которой должен привезти вести о том, что родители ее мертвы, дом захвачен, и муж отныне должен склонить голову перед владыкой Куном? Мог бы, но хорошо представлял, что последует за этим. И желание сделать это улетучивалось.

Недосказанность оставалась между ним и ханьцем. Каждый раз, встречаясь глазами с этим странным человеком, Хиро видел, что Вэй сдерживается, чтобы сохранить на лице невозмутимое выражение. Как будто гнев, выраженный открыто, мог каким-то образом принизить его в собственных глазах и в глазах юноши. Думая об этом, Хиро спрашивал себя, с каких пор советнику Куна есть дело до того, как он выглядит в глазах мальчишки-раба?

Но разговор, который Вэй по каким-то причинам откладывал несколько дней, сегодня должен был состояться. Это понимал и Хиро, наблюдавший, как ханец хищным зверем расхаживает по своим владениям, и сам Вэй.

Когда приготовления были окончены, он позвал мальчика внутрь дома и, глядя на него ястребиным взором, спросил без предисловий:

– Почему ты кинулся защищать шаманку?

Хиро молчал, понимая, что ханец легко раскусит любую ложь, и не решаясь говорить правду.

– Отвечай, – потребовал Вэй.

Хиро продолжал молча топтаться около него.

– Отвечай, мальчишка! – в голосе Вэя, наконец, прореза-

лись недовольство и гнев.

– Я не позволю причинить ей вред, – произнес юноша, уставившись в деревянный пол. Сил поднять на Вэя глаза ему не хватало.

– Почему? – властно спросил ханец.

– Никому не позволю, – произнес Хиро и замолчал, не собираясь откровенничать с ним далее.

– Вот как!

Его господин, похоже, был удивлен. Не нужно было обладать большим умом, чтобы догадаться, что юноша влюблен. Вэй в молчании смотрел на него некоторое время, словно обдумывая следующие слова, и, наконец, заговорил снова.

– Я все так же могу доверять тебе?

Хиро поднял голову и смело встретил его взгляд. В ступор его вгоняли лишь разговоры о девушке. Во всем остальном привычная дерзость его не покидала.

– Можешь, – ответил он уверенно.

– Но причинить ей вред ты не позволишь, так?

– Не позволю. И открыто говорю тебе об этом сейчас.

Вэй усмехнулся и тут же сообразил, что эта усмешка не укрылась от собеседника.

– Хорошо, – произнес он. – Пока я буду в отъезде, ты – мои глаза и уши в этом поселении. Спрошу тебя еще раз, мальчик: я могу тебе доверять?

– Можешь, отец, – ответил тот, этим обращением давая понять, что помнит и уважает правила, установленные гос-

подином ранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.